

Через всю жизнь — эпизод 2 из 3

С этого времени, с пятидесятой годовщины смерти, стихи Пушкина стали для нас, школьников, особо приметными. Каждое новое стихотворение продолжало удивлять тем, что не требовало никаких объяснений: «само понималось» и «само училось». Не забывался и разговор о том, что «Пушкина убили» и что в других школах об этом даже не говорят «из-за управительской родни». Выходило, что Пушкин «вроде политики», то есть тех людей, которых особо не любит начальство и о которых говорить надо с оглядкой. Это, однако, никак не укладывалось в ребячьем понимании — почему же тогда печатают стихи Пушкина. Казалось непонятным и другое: за что начальство невзлюбило Пушкина, у которого «всегда к веселому выйдет»... Кажется, хуже нельзя: «В бочку с сыном посадили, засмолили, покатали и пустили в окиян», а глядишь, волна «бочку вынесла легонько, и отхлынула тихонько», а дальше «сын на ножки поднялся, в дно головкой уперся... вышиб дно и вышел вон». Последние строки у нас были в большом ходу, когда надо было показать победный выход из трудного положения.

В детском представлении казалось просто невозможным не любить такого веселого писателя, и в силу этого возникало предположение, что Пушкин писал и что-то другое, если его так ненавидели люди из начальства. Захотелось найти это другое, за что начальство не любило Пушкина. Однако впервые удалось получить том пушкинских стихов лишь через три года после первого знакомства с его произведениями. Получил книжку на довольно тяжелых условиях — выучить наизусть весь том. Надо думать, что библиотекарь пошутил, а я понадеялся на то, что пушкинские стихи «сами заучиваются». На этот раз оказалось не совсем так. Не знаю, что это было за издание, но помню, что было в пяти хорошо переплетенных книжках, и первый том начинался стихотворениями: «Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря» и «В младенчестве моем она меня любила»...

Первое из этих стихотворений, при своей краткости и кажущейся простоте, оставляло какой-то неразрешенный вопрос, а второе и вовсе было сложно для десятилетнего и не очень привыкшего к литературной речи мальчугана. Заучивая наизусть, я не очень отчетливо понимал, что значит — «она внимала мне с улыбкой, и слегка по звонким скважинам пустого тростника уже наигрывал я слабыми перстами и гимны важные, внушенные богами, и песни мирные фригийских пастухов».

Такое начало, помню, сильно смутило, но, перелистывая книгу, дошел и до таких поэм, как «Братья-разбойники», «Тазит». Здесь нашел того Пушкина, стихотворения которого «сами заучивались». Настроениям ребячьей героики, конечно, близка была картина, как «За Волгой, ночью, вокруг огней удалых шайка собиралась». Неотразимо действовали и такие описания:

«И с ним кладут снаряд воинской:
Неразряженную пищаль,
Колчан и лук, кинжал грузинской
И шашки крестовую сталь,
Чтобы крепка была могила,
Где храбрый ляжет почивать,
Чтоб мог на зов он Азраила
Исправным воином восстать».

В этой же книге были сказки, отрывки которых мне были известны еще в начальной школе. В результате, сдавая через месяц книгу, я мог смело заявить библиотекарю:

— Вот, выучил.

В 1899 году была годовщина столетия со дня рождения Пушкина. Она тоже запомнилась. Царское правительство, как видно, не решалось замолчать эту годовщину, как это было с пятидесятилетием смерти поэта. В то же время правительство явно боялось студенческих и ученических волнений, которые, будучи поддержаны рабочими, могли принять в больших городах внушительные размеры. Чтоб уменьшить в больших городах число учащихся, решили применить тот же прием, что и в 1896 году, когда по случаю царской коронации был сокращен учебный год. На этот раз тоже было объявлено о сокращении учебного года более чем на месяц. Учащиеся младших классов, разумеется, этому радовались, старшие понимали, чем вызвана такая мера, но тоже «проживать в городе без занятий» не могли, и к юбилейной дате большинство разъехалось по домам.

Мне в 1899 году было уже двадцать лет, и я готовился, как говорилось тогда, к выходу в жизнь с очень небольшим багажом среднего образования. Творчество Пушкина знал теперь гораздо основательнее и выделял на первое место совсем не то, что пленяло в детстве. Знал теперь и то, почему разных рангов «управительская родня» избегала говорить о смерти поэта. В отдельных случаях за извращенным царской цензурой текстом умел читать подлинное пушкинское слово, знал на память немало произведений и успел ознакомиться с частью тех, которые тогда ходили в рукописях.

Понятно, что при юношеской самоуверенности тех дней я склонен был считать себя достаточно сведущим в творчестве А. С. Пушкина.